

Относительно заключения «Задонщины» у В. П. Адриановой-Перетц читаем: «Продолжая изложение Софонии, эффектно обрывающееся на картине полного разгрома войск Мамаю, редактор обратился к Летописной повести о Мамаевом побоище и добавил два эпизода: прощание великого князя с дружиной и бегство Мамаю»¹ Если бы повесть действительно обрывалась так, как говорит В. П. Адрианова-Перетц, то «эффектность» этого приема была бы весьма сомнительной, так как он резко противоречил бы и логике и художественному чутью, которые, повторяю, были у автора «Задонщины». Не мог он закончить свое произведение, написанное в похвалу князьям-победителям, даже не упомянув о них!

Утверждение В. П. Адриановой-Перетц по поводу заключительной части «Задонщины», что «композиция этой части, несомненно, взята из Летописной повести»,² мне кажется вполне приемлемым, но «взять» эту композицию из «Летописной повести», конечно, мог и сам автор, а не какой-нибудь последующий редактор. Между прочим, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в заключении «Задонщины» отсутствует молитва великого князя, в которой он благодарит бога за победу, находящаяся в «Летописной повести». Это как раз соответствует светским тенденциям Софонии, которые подчеркивает В. П. Адрианова-Перетц, и противоречит церковно-благочестивым тенденциям предполагаемого «редактора».³

Свой «отвод» из первоначального текста «Задонщины» вступления, заключения, эпизода о бегстве Мамаю и некоторых других «вставок» В. П. Адрианова-Перетц основывает на стилистических наблюдениях — на стилистическом единстве и стилистической близости к «Слову о полку Игореве» основной, центральной части «Задонщины», от которой, по ее словам, заметно отличаются своей поэтической фразеологией и стилевыми особенностями все перечисленные только что другие части.

Мне кажется, что эти стилевые отличия предполагаемых редакторских добавлений от поэтической фразеологии центральной части «Задонщины» отчасти преувеличены, а отчасти могут иметь иное объяснение.

В самом деле, В. П. Адрианова-Перетц подчеркивает, что в предисловии «нет ни одного стилистического приема из Слова о полку Игореве»,⁴ что «это вступление стилистически отличается от повествования Софонии», и тут же вынуждена оговориться: «Однако изредка автор предисловия вспоминает тот или другой оборот речи Софонии и, употребляя его, связывает отчасти вступление с дальнейшим повествованием».⁵ Приведя два примера, В. П. Адрианова-Перетц указывает, что «отголоски стиля Софонии слышны, частично, и в призыве великого князя: „посмотрим славного Днепра“» и т. д.⁶ Почему же нельзя видеть в приведенных примерах не «отголоски стиля Софонии», а непосредственные отголоски «Слова о полку Игореве», как во многих местах центральной части «Задонщины»?

Стилистическую близость некоторых выражений эпизода о бегстве Мамаю к «Слову о полку Игореве», на что указывал еще С. К. Шамбинаго,

¹ Там же.

² Там же, стр. 175.

³ Может быть, не лишним будет напомнить здесь, что А. А. Шахматов в своей рецензии на книгу С. К. Шамбинаго (Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910. Отдельный оттиск из «Отчета о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария») всю заключительную часть, как и эпизод о бегстве Мамаю, относил к основному, первоначальному тексту «Задонщины».

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», стр. 173.

⁵ Там же.

⁶ Там же.